

ДЖОНАТАН СВИФТ

ЭРОТИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГУЛЛИВЕРА В
БРОБДИНГНЕГЕ

Джонатан Свифт
Эротические приключения
Гулливера в Бробдингне
Серия «Эротические
приключения Гулливера», книга 2

Текст предоставлен Институтом соитологии
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142250

Джонатан Свифт Эротические приключения Гулливера: Институт
соитологии ; Санкт-Петербург; 2005

ISBN 5-9637-0019-1

Оригинал: JonathanSwift, "Gulliver's Travels"

Перевод:

Игорь Юрьевич Куберский

Аннотация

«Эротические приключения Гулливера» являются единственным в мире изданием неизвестной рукописи Свифта, созданной им в 1727 году на основе глав и частей, изъятых первым издателем «Путешествий Гулливера...» А. Мотом за их «откровенный и шокирующий характер». Читатель не только узнает, в чем состоял истинный спор между тупоконечниками и остроконечниками, но и прояснит для себя все темные места и несуразности поведения Гулливера в уже ставшем классическим тексте «Путешествий...», о котором сам Свифт с горечью

замечает: «...опубликованный [...] текст имеет такое же сходство с оригиналом, какое добрый кусок говядины может иметь с таковым же, но побывавшим в желудке и естественным образом вышедшим наружу». Наконец Гулливер предстанет перед читателем не занудой и ханжой, а сильным и любознательным мужчиной, полным страсти, жизнелюбия и оптимизма, а его приключениям вернется изначальное содержание.

Содержание

Джонатан Свифт	5
Вместо эпиграфа	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джонатан Свифт
Эротические приключения
Гулливера в Бробдинггеге

Вместо эпиграфа

Эта книга вышла бы, по крайней мере, в два раза объемистее, если бы я не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц, посвященных ветрам, приливам и отливам... а также подробнейшему описанию на морском жаргоне маневров корабля во время бури.

Да, дорогой читатель, эти слова взяты из опубликованной версии моих путешествий, но написал их не я и даже не вымышленный мною бедняга Симпсон. На самом деле книга стала вдвое тоньше по воле издателей, выкинувших из нее целые главы, посвященные, как далее станет очевидным, во-все не «приливам и отливам»... Скажите откровенно, кто, находясь в доброй памяти и здравом рассудке, будет на сотнях страниц расписывать маневры корабля? Кто станет это читать? Издатели же руководствовались тем сомнительным соображением, что надобно всенепременно считаться с ханжеской моралью нашего общества, парадоксальным образом уживающейся с крайней распущенностью его нравов, и не смущать ограниченные умы слишком дерзкими или тем паче фривольными высказываниями и картинами, касающимися образа жизни великанов, среди которых волею судьбы, решившей меня испытать, я оказался. Как и в Лилипутии, здесь, в Бробдинггеге, я был свидетелем, а то и участником, поразительных событий, рассказ о которых впоследствии был вычеркнут ради якобы моего же блага. Какой гнев своих соотечественников, говорилось мне, навлек бы я на себя, познакомься они с моими подлинными живописаниями, сделанными непосредственно с натуры, иногда по горячим следам, и в какой ужас пришли бы они, особенно их нежная половина, узнай они о нравах и обычаях, царящих в этой стране. Хотя, если прямо посмотреть правде в глаза, в великаньем сообществе я ни разу не встретил и не наблюдал ни-

чего такого, что в том или ином виде не было мне известно по прежней моей «нормальной» жизни среди подобных мне, чего не творилось бы за глухими стенами домов родного мне Ноттингемпшира, да и в нашей славной столице, повсеместно знаменитой не только своими королевскими дворцами, но и, смею сказать, злачными местами, а точнее – притонами, где воистину дают пышные всходы злаки наших человеческих слабостей, где и я, бедный раб страстей своих, проводил часы своей молодости... Удивительно устроен человек – он предается пороку легко и безоглядно, с чистой совестью и невозмутимостью во взоре, пока сей порок не назван и не показан ему в подобии зеркала, коим может служить назидательная литература. Когда же оное происходит, то человек чаще всего не направляет взор внутрь себя, не корит себя за содеянное, не обращается с молитвой ко Всевышнему, дабы получить отпущение грехов, нет – чаще всего он обрушивается с проклятиями на того, кто поднес ему это зеркало... Ибо давно замечено: ничто людей так не оскорбляет, как правда...

Тщательно описывая все, что произошло со мной в Бробдингеге, я велел себе следовать одному завету, а именно – говорить только правду, ничего, кроме правды. Только она, в этом я глубоко убежден, преодолевает время, сковывающее наши умы и сердца, нашу дерзость, наше желание идти дальше отцов по пути истины, – только она, правда, и дорога мне в том, о чем я пишу. И если, рассуждал я, этим за-

пискам суждено пережить своего автора, то в немалой степени этому будет способствовать его намерение мужественно описывать то, что было на самом деле, не опускаясь до сиюминутных соображений выгоды, до корыстного желания сорвать аплодисменты низменной толпы... Нет, — рассуждал я, — гораздо достойнее и дальновиднее поступить так, чтобы тебе аплодировало будущее! Вот с какой целью я благо-разумно сохранил главы, изъятые издателями из моей книги, и передал их на надежное хранение. Правильно ли я поступаю? Уверен, что да. Признаюсь, меня весьма согревает мысль, что спустя какую-то сотню лет, когда человеческие нравы, несомненно, исправятся, когда на земле наконец-то восторжествуют истина и справедливость и воцарится разум, обуздав плоть, а о самом плотском грехе и некогда бытовавших нравах будущий читатель едва ли сможет узнать из старых книг, чаще всего лишь вводящих в заблуждение на сей предмет, мое письменное свидетельство сослужит ему в этом верную службу. Встреча с этим будущим читателем заставляет сейчас, в промозглый зимний день 1727 года, когда я пишу эти строки, взволнованно биться мое сердце.

Итак, укрепив оное мужеством, я приступаю к сей деликатной теме, которую запретило мне мое время, лишенное многих добродетелей, зато исполненное многих пороков...

* * *

Истинные обстоятельства моего пленения несколько отличались от тех, что опубликованы в печатном варианте моих приключений. В действительности же работник, который оказался возле меня на том злополучном ячменном поле, был далек от того, чтобы ненароком растоптать меня или разрубить серпом. Все на самом деле выглядело трагикомичнее, ибо тот работник отошел в сторонку от своих сотоварищей, чтобы справить крайнюю нужду, для каковой цели он и присел среди колосьев ячменя... Воле провидения бы-

ло угодно, чтобы он затеял сей акт, естественный для живого существа, будь оно даже гигантских размеров, над тем самым местом, на котором я тогда находился, а именно — в борозде, напоминавшей мне ров с меня ростом. Представьте себе мой ужас, когда я увидел, как надо мной, закрыв все небо, нависли две огромные половины зада и оттуда, предваряя естественное извержение переваренной пищи, раздался оглушительный выстрел, подобный залпу всех орудий одного борта королевского фрегата, результатом коего явилось то, что меня сбило с ног и унесло зловонными ветрами в сторону... Это скорее всего и спасло мне жизнь, ибо, когда изрядно помятый и перепачканный в земле, со звоном в ушах, на время заменившим мне все естественные звуки живой природы, я поднялся на ноги, то стал свидетелем возникновения на борозде исходящей паром горы высотой не менее чем в четыре человеческих роста. Гора источала такие миазмы, что голова моя закружилась, и я потерял сознание, а когда оно вернулось ко мне, я был уже на высоте, намного превышающей высоту грот-мачты, стиснутый пальцами этого опроставшегося работника. На меня смотрел его огромный, с суповую тарелку, глаз, зрачок которого напоминал дуло судовой пушки, при том, что постоянно менял направление, дабы получше меня разглядеть. Да, таковы были истинные обстоятельства моего пленения...

Позволю себе также занять внимание читателя и некоторыми подробностями первой ночи, проведенной мною в до-

ме фермера. Дело в том, что дочки хозяев, заботам которой меня препоручили в дальнейшем, в ту пору по причинам, мне неизвестным, не было дома, и ночевать меня оставили в спальне хозяев, где мне было постелено на полке, дабы я снова не стал приманкой для крыс, с парочкой которых я столь доблестно расправился днем (о чем читатель, знакомый с моими изданными записками, должен помнить), но которые могли попытаться отомстить мне ночью за гибель своих сестер. И вот, с этой весьма высокой точки, как если бы с башни городской ратуши, я стал невольным свидетелем ночных плотских утех моих простодушных хозяев. Посчитав, что я сплю, а то и вовсе забыв про меня или же обращая на меня не большее внимание, чем мы на своих домашних любимцев кошек и собак, когда совокупляемся в их присутствии, мои хозяева предались удовольствиям известного толка... Естественно, я тогда еще не знал, что это первый день здешней осени, когда вся страна занимается тем же. Но не буду забегать вперед — обо всем по порядку.

Надо сказать, что как врач и хирург я был немало захвачен открывшимся зрелищем, тем более что на тот момент еще далеко не полностью составил себе представление, с какого рода живыми существами столь гигантских размеров свела меня моя поразительная судьба, и насколько их манеры, повадки, образ действий и мыслей соответствуют привычным мне, свойственным нашему человеческому обществу. В этом смысле лилипуты были как бы сильно уменьшенной копией

нас самих, и я надеялся, что и эти великаны, кроме как размерами, не слишком будут отличаться от нас, в противном случае меня ждала бы пугающая неизвестность. Представить себя среди существ с иными, чем у нас, ценностями и предпочтениями было бы крайне затруднительно да и смертельно опасно – ну как если бы я оказался, скажем, Одиссеем в пещере циклопа Полифема, спокойно пожирающего моих несчастных товарищей. В этом смысле акт, которому предались мои гостеприимные хозяева, уверил меня, что сии великаны представляют собой просто некую аномалию в виде гипертрофированных человеческих особей, ибо в их плотских утехах я не обнаружил ничего исключительного и выходящего за рамки привычного или, точнее, известного мне. А я повидал разное да и, грешен, часто сам не проходил мимо соблазна, тут и там предоставлявшегося мне, здоровому мужчине, полному жизненных сил и тяги ко всему новому и неизвестному.

Как наблюдатель я был, конечно, свидетелем удивительной картины, когда в свете ночника, как при готовящемся к ночи небосклоне, с которого недавно ушло за обложенный облаками горизонт дневное светило, оставив среди них лишь одну полную багряного сияния прореху... когда при таком вот театральном освещении стали спариваться две горы. Они то и дело меняли свои очертания, мыча, стеная и охая; при сем одна гора, скорее – хребет, что сверху, вклинивалась в другую гору, что снизу, разделяя ее на две широко отстоя-

щие одна от другой вершины и находя удовольствие между ними в некоей седловине, а точнее расселине, откуда раздавались чмокания и хлюпанья, как будто там плескалось стадо бизонов... Этот природный катаклизм продолжался довольно долго, так что я даже стал зевать, задавая себе вопрос – не другая ли в этой стороне света мера времени? Но, поразмыслив, я решительно отмел эту досужую мысль, ибо мера времени у нас, обитателей земли, может быть только одна. Тем удивительнее было признать, что на земле, на коей мы, я имею в виду себя и этих великанов, одновременно обитали, наличествует столь широкая шкала физических размеров живого мира. Впрочем, меня, естествоиспытателя, это не должно было особо удивлять и шокировать, ведь в сравнении с человеческим миром, к которому я уже отнес моих великанов, мир животных давал нам еще более поразительные примеры образцов бесконечно большого и малого...

Я хочу сказать, что время соития показалось мне слишком затянувшимся лишь по той причине, что это были мои первые сутки пребывания в Бробдинггеге (самого названия страны я, естественно, еще не знал), и я порядком устал от впечатлений и был душою опустошен. В противном случае я бы не удержался от удивленных восклицаний, увидев при перемене мест, когда верхняя горная система стала нижней, огромное орудие удовольствия, представшее перед моим взором, прежде чем на него опустилась вторая горная система, то бишь обнаженная хозяйка, – орудие это в

буквальном смысле им и являлось, — этакий шестифутовый ствол главного калибра, стоявший на вооружении королевского флота Англии... Возможно, оно было не столь большим, как таран, коим еще в славные времена Древней Греции и Рима били в главные ворота осажденных крепостей, принуждая последние к сдаче, а пропорционально размерам самой горы выглядело и вовсе скромно, но все же, даже находясь от него на расстоянии тридцать ярдов, я отдавал себе отчет о его размерах — оно явно превосходило меня и в росте, и ширине. Только теперь я вполне осознал, какое впечатление производил мой собственный детородный орган на милых моему сердцу лилипуток.

Итак, не издав ни звука, частично ради собственной безопасности, частично из-за избыточности впечатлений, я крепко заснул и не видел, чем кончилась эта схватка-игра верха и низа, но легко мог это себе представить. Дальнейший мой опыт действительно подтвердил первичное, наспех сделанное предположение, что плотским утехам здесь предаются хорошо известным мне образом. Поначалу я даже испытывал легкое разочарование, ибо в глубине души был готов к чему-то новому, неизвестному... Увы, в этом смысле, мои новые впечатления были вызваны лишь самими гигантскими размерами, с которыми я столкнулся, то есть — голой формой, но не содержанием. Но и это, как оказалось, было немало...

Больше мне ни разу не пришлось лицезреть любовные

схватки моих хозяев, ибо на следующий день меня препоручили заботе их объявившейся девятилетней дочки. Это ей я обязан своим именем Грильдриг, хотя, признаюсь, оно мне перестало нравиться с тех пор, как я узнал, что на языке великанов оно обозначает «карлик». Ведь карликом я себя не считал, особенно после встречи с настоящим карликом при дворе короля... Но об этом речь впереди. Я ее ласково называл Глюмдальклич, то есть «нянюшка» по-бробдингнежски. Да, ей было всего девять лет, но в этой стране, как вскоре я узнал, созревали рано, весьма почтенного возраста достигали в сорок лет, а до пятидесяти доживали немногие, считаясь при этом глубокими старцами. Поэтому девять лет здесь – это был возраст умственной и физической зрелости, и в том, что Глюмдальклич, в отличие от ее сверстниц не выдали замуж, была лишь одна причина – заботы обо мне, которые вскоре стали ее основной обязанностью.

Здесь брачные традиции заметно отличались от наших. Королевский указ предписывал каждой девятилетней девице создавать собственную семью, ибо с каждой семьи в королевскую казну взимался солидный налог, трижды превышающий тот, который, начиная с пятилетнего возраста, выплачивался подушно до самого вступления в брак. Это серьезное налоговое бремя плюс огромный разовый взнос в казну за право вступления в брак само собой отсекали от невест юношей того же возраста. Последние могли заработать на брачный взнос не ранее, чем по достижении пятна-

дцати лет, почему в брак вступали только зрелые по местным меркам мужчины, уже накопившие соответствующий капитал. «Недорослям» же предписывалось, окончив учебные заведения, служить в армии, а также работать на соляных копях или на королевских рудниках, где добывалась медная и железная руда в основном для нужд той же армии. Женщины же занимались лишь домашним хозяйством и воспитанием детей, и хотя двери учебных заведений были для них открыты, лишь немногих привлекал мир отвлеченных знаний, поэтому семьи здесь были, как правило, крепкие и дружные, как если бы бробдингнежки догадывались, что во многом знании много печали, и предпочитали радость, пусть даже они и платили за нее неведением.

Реально получаемое бробдингнежцами жалованье составляло почетную десятую часть от всего заработанного – девять же десятых отдавалось в казну, треть которой всемилоштивейший король затем щедрой рукой выделял в помощь нуждающимся, таким образом уменьшая разницу между бедными и богатыми и тем самым выкорчевывая один из главных пороков – зависть, ведущую к революциям и гражданским войнам, столь пагубно отражающимся на благосостоянии общества и его нравах. Как и в Лилипутии для лилипутов, вступление в брак было основным событием в жизни бробдингнежцев и их главной целью. Не вступившие в брак считались неудачниками, их не принимали на государственную службу, над ними смеялись, о чем свидетельствовала

бробдингнежская поэзия и литература. Быть мужем здесь считалось престижно, каждый муж носил на золотой цепочке отличительный знак в виде рогов марала, отлитых в золоте, – священный марал считался здесь символом супружеской верности.

Однако было бы чудовищной нелепостью предположить, что не имеющие ни права, ни возможности вступать в брак до пятнадцати лет половозрелые, способные к детовоспроизводству мужчины, вынуждены поститься – нет и еще раз нет! Неусыпная королевская забота распространялась в равной мере на всех подданных Его Величества без исключения, и потому «недорослям» было даровано всемилостивейшее право неограниченно заниматься самоуслаждением. Единственным узким местом этого более чем разумно устроенного общества было лишь то, что воспользоваться вышеназванным правом почему-то стремилась и мужская половина представителей узаконенных брачных союзов, что ей было категорически запрещено под страхом кастрации, в случае которой согрешившие и пострадавшие переходили, независимо от дарований, в категорию поэтов, и были обязаны до конца своих дней сочинять оды, эклоги и мадригалы во славу своего короля. Быть поэтом, литератором здесь считалось наказанием, поскольку эта категория граждан получала такие крохи за свой труд, что практически находилась на иждивении государства.

Глюмдальклич устроила мою постель на навесной пол-

ке, сшив мне постельные принадлежности из лоскутков для кукол, подушку же набила нитью непарного шелкопряда, — это был самый нежный материал, который ей удалось найти окрест, ибо пух местных кур оказался слишком жесток, и о его в первую же ночь вылезшие из подушки иглы я весьма болезненно оцарапал себе лицо и плечи. Сначала я укладывался в постель без участия моей доброй нянюшки, — ей оставалось лишь перенести меня к кровати от моего умывальника, где она ставила для меня блюдо с водой, которое было с хорошую ванну, и кружку размером с нашу бочку, но в дальнейшем, посмотрев, как я раздеваюсь, она выказала желание помогать мне, и, признаюсь, я получал удовольствие, ощущая своей обнаженной кожей прикосновение ее пальцев, каждый из которых хотя и был размером с мою ногу, но источал в моем направлении такие нежность и тепло, что несовместимость наших размеров отходила на второй план...

Как-то она, неловким движением зацепив ногтем вместе со штанами мое исподнее белье, случайно (если не намеренно) обнажила нижнюю часть моего тела, и жадно впилась глазами в то, что имелось у меня между ног. В тот момент наших соприкосновений, которых я, слабое и грешное человеческое существо, ждал каждый вечер, мое естество было в слегка приподнятом состоянии, и Глюмдальклич, догадавшись, даром что была юной и неопытной, в чем дело, протянула указательный палец и осторожно прикоснулась к нему,

будто это был хоботок неведомого ей насекомого. Хоботок, разумеется, подпрыгнул, и Глюмдальклич испуганно отдернула палец, словно опасаясь быть ужаленной. Она тут же посмеялась над собой и повторила опыт. Хоботок, поскольку жил своей собственной жизнью, ей охотно ответил. Тогда она высунула трепетный кончик своего языка и прикоснулась к уже полностью открывшейся головке моего желания. Ни с чем не сравнимое ощущение охватило меня при этом соприкосновении с большой, горячей и влажной подвижной плотью ее языка. Сравнения тут невозможны и неуместны, но если все же прибегнуть к образам, то в голову прежде всего приходит большая добрая корова, вылизывающая своего только что родившегося теленка. Именно счастливым теленком, тающим от материнской нежности и ласки, почувствовал я себя в тот незабываемый момент. Раскинув руки, я обнял ее язык, прижался к нему, опустил на него голову, и вдруг Глюмдальклич, осторожно взяв меня, открыла рот и вобрала в себя мою нижнюю часть, полностью уместив ее на своем языке, тогда как выше пояса я остался снаружи. Девочка охватила губами мою талию и, придерживая двумя пальцами за бока, стала тихонько посасывать то, что было у нее во рту. Поначалу я запаниковал, решив, что она ненароком может меня проглотить, но затем, видя, что ничего плохого со мной не происходит, а даже наоборот – в нижней части тела разливается приятная истома, я целиком и полностью отдался охватившему меня чувству. Видимо, подобное

чувство испытывает тот, кто достиг единения с Богом. Могу смело утверждать, что теперь я знаю, что это такое. Мне известно, что некоторые восточные учения, сведения о которых принесли нам наши отважные мореплаватели, используют соитие для выхода в состояние просветления. Не буду лукавить – то, чем догадливая Глюмдальклич занималась со мной по своей собственной прихоти, что, кстати, снимало с меня всяческие могущие возникнуть у моих соплеменников обвинения в мой адрес, я считаю именно просветлением, то есть высшим состоянием наших разума и чувства. К тому же должен отметить, что, судя по поведению моей нянюшки, ей были уже знакомы те приемы галантной любви, которым обучают наших невест перед первой брачной ночью. И пусть ханжи и моралисты попридержат свои языки – никакого со-
вращения с моей стороны не было и быть не могло, – это был обмен высшей нежностью, на какую только способен мир, между очень маленьким и очень большим, ну, как если бы, скажем, ящерка полюбила муравья...

Я потому говорю о любви и нежности, что не прошло и пяти минут ее влажных горячих посасываний, чуть втягивающих меня в недра ее рта и тут же отпускающих, как я почувствовал сильнейший прилив жизненных соков к своему паху и в следующий момент разразился выбросом семени, может быть, самым изрядным за всю мою жизнь. Не знаю, то ли моя нянюшка ощутила на своем языке капельку исторгнутого из меня вожделения, то ли уловила перемену в состоянии моего естества, уже не такого крупного и задиристого, но она вынула меня изо рта и нежно обтерла от слюны краем моей же простыни. Еще трепеща от испытанных мною чувств, я стоял обнаженный перед ней – слезы благодарности навернулись мне на глаза – и дребезжащим голосом, с трудом сдерживаясь от рыданий, причиной которых по парадоксальности человеческого поведения бывает состояние исключительного счастья, я по-бробдингнежски спросил, могу ли каким-то образом отблагодарить мою нежную госпожу за доставленные мне минуты наивысшего блаженства. Вместо ответа Глюмдальклич, которая сидела передо мной на стуле, снова взяла меня и, подняв, осторожно опустила прямо в вырез платья, приподнятый ее хорошо сформированными грудями. Поначалу я судорожно ухватился за край этого выреза, боясь сорваться и упасть то ли ей в подол, до которого было никак не менее двадцати футов, то ли соскользнуть внутрь по животу, прямо туда... но тут же ощутил, что она сделала мне опору в виде подставленной ладони, так что я оказался меж-

ду тканью платья и обнаженной грудью. Преодолев страх и осознав, что мне желают только добра и ждут от меня только ласк, я тронул ее сосок, размером с небольшую дыню. Обе мои ладони почти прикрывали его. При желании я мог уцепиться за него и повиснуть в воздухе, болтая ногами, но я тут же подавил в себе приступ ребячества, каковые мы иногда испытываем перед лицом чего-то очень большого... Заметив, что ткань ее платья стесняет меня в движениях, Глюм-дальклич ослабила тесемку выреза и платье, державшееся на плечах благодаря сборке, сползло ей на бедра, открыв обе груди, которые были прелестны в своей юной красе, несмотря на то, что размерами превосходили все пределы, мыслимые самым сладострастным воображением. По форме они были действительно девичьи, а соски озорно торчали чуть ли не вверх, видимо, возбужденные нашей игрой... Моя прелестница подносила меня на ладони то к одному, то к другому соску, чтобы я пощупываниями и покусываниями (ничего иного просто не приходило мне в голову) засвидетельствовал им свое почтение и восторг. Нельзя было не заметить, что, несмотря на свои смехотворные размеры, я ухитряюсь доставлять своей нежной подруге массу удовольствий, — она то и дело закрывала глаза, шумно выпускала воздух трепещущими ноздрями, и над верхней губой у нее выступили капельки пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.